УДК 94(47).084.6

В. С. Измозик

Фабрикация «покушения» на С. М. Кирова

Естественно, особа С. М. Кирова, первого секретаря Ленинградского ГК и ОК ВКП(б), члена Политбюро ЦК с 1930 г., нуждалась в охране. Большинство руководителей Ленинграда с середины 1920-х гг. жили компактно. Первоначально это была 9-я парадная дома 26/28, в которой было всего пять квартир, по одной на каждом этаже. Именно здесь проживали Г. Е. Зиновьев, командующий Петроградским (Ленинградским) военным округом В. М. Гиттис, секретарь губкома Г. Е. Евдокимов, зав. орготделом губкома А. С. Куклин, профсоюзный лидер Г. Ф. Федоров. После разгрома «новой оппозиции», которой они, кроме В. М. Гиттиса, руководили, они выбыли из города или переехали в более скромные апартаменты. Сосредоточение новых руководящих кадров с середины 1920-х гг. шло в доме 21 по Кронверкской улице, завершившись к 1932 г. Здесь занимали квартиры второй секретарь горкома ВКП(б) И. И. Газа, уполномоченный Наркомата тяжелой промышленности по Ленинграду Г. Н. Пылаев, прокурор Ленинградской области Б. П. Позерн, зав особым сектором обкома ВКП(б) Н. Ф. Свешников, председатель Ленинградского совета профсоюзов М. М. Серганин, председатель Леноблисполкома П. И. Струппе, второй секретарь обкома ВКП(б) М. С. Чудов и др. Таким же «анклавом» был один из подъездов дома 23/59 по Кронверкской улице. Здесь проживали председатель исполкома Ленсовета И. Ф. Кадацкий (Кодацкий), зам. начальника Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе И. В. Запорожец и др.[1]

[1] См.: *Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. СПб.: Крига, 2010. С. 170–171, 173.

Сложность с охраной С. М. Кирова состояла в том, что он в апреле 1926 г. въехал в кв. 20 по второй парадной, остальные девять квартир которой представляли густонаселенные коммуналки. Например, в кв. 13 на 1934 г. проживало 9 семей, насчитывавших 21 человека[2]. До середины 1933 г. охрана Кирова состояла из трех человек: М. В. Борисова, Л. Ф. Буковского и неофициального сотрудника органов госбезопасности — швейцара. Обязанности охраны выполняли также оба его шофера — Ф. Г. Ершов и С. М. Юдин, жившие здесь же, в доме 23/59 по Кронверкской улице. У парадной был выставлен постоянный парный пост сотрудников оперативного отдела Ленинградского управления ОГПУ[3]. Но, тем не менее, по многочисленным рассказам известно, что к Кирову на улице неоднократно подходили люди с различными просьбами. Родившийся в 1925 г. и живший здесь же Б. М. Михайлов вспоминает, что, когда Киров, расставшись с товарищами у дома 21, шел через дворы к себе, у местных мальчишек сложилась даже некая традиция «выпрашивать у Кирова “на конфеты”, а то и “на хлеб”»[4]. Обыденность такого поведения окружающих подтвердил на допросе после убийства Кирова, 6 декабря 1934 г. начальник оперативного отдела Ленинградского управления НКВД А. А. Губин. На вопрос, почему Л. В. Николаев, задержанный 15 октября 1934 г. у кировской парадной, был отпущен, последовал ответ: «Я считал попытку Николаева подойти к т. Кирову с просьбой о предоставлении работы естественной и не возбуждающей подозрений, так как такие случаи бывали и ранее»[5].

В ситуации такой повседневности чекистами было разыграно дело, закончившееся гибелью четырех юношей. В декабре 1931 г. секретно-политический отдел «ликвидировал в Ленинграде межвузовскую контрреволюционную организацию “Независимый социальный союз”». Было арестовано 18 мужчин и одна женщина в возрасте от 21 года до 32 лет. Если верить имеющимся в деле документам, молодые люди выступали против эксплуатации человека человеком, «против предрешаемости форм труда», «против привилегий», за «равенство национальностей», «за конкуренцию», «за свободу становления мировоззрения», за необходимость «всё преломлять сквозь призму критического сознания», «во всем искать истину, смысл и сущность явлений» и т.п. Эти абсолютно нормальные и либеральные идеи были именованы в обвинительном заключении «социал-фашистскими»[6]. Самое пикантное, что лидером группы был провокатор, агент ОГПУ, студент 3-го курса физико-механического факультета

[2] Там же. С. 170.

[3] *Кирилина А. А.* Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб.–М.: Нева-Олма-пресс, 2002. С. 272; Домовые книги 1930-х гг.

[4] *Михайлов Б. М.* На дне блокады и войны. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2001. С. 80.

[5] *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Распятые революцией. Российские и советские прокуроры. 1922–1936. М.: РОССПЭН, 1998. С. 454.

[6] Архив Управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-77765. Т. 4. Л. 3, 5–11, 31–33.

Ленинградского университета, некий А. А. Михайлов. Это видно из того, что он был приговорен первоначально тройкой ПП ОГПУ в ЛВО 21 марта 1932 г. к 10 годам заключения в концлагере. Но уже 27 мая 1933 г. коллегия ОГПУ постановила немедленно освободить А. А. Михайлова, прежнее постановление считать условным и разрешить А. А. Михайлову «свободное проживание по СССР». При этом данная телефонограмма поступила в Полномочное представительство ОГПУ по ЛВО, т.е. за год с лишним после вынесения приговора А. А. Михайлов не был отправлен в лагерь для отбывания наказания[7].

Именно А. А. Михайлов дал показания о планировании террористической акции против Сталина, которую собирался совершить сам: хотел поехать в Москву, «добиться попасть на собрание или конференцию, где присутствовал бы Сталин, а затем стрелять в него из револьвера. <...> Я вполне сознательно готов был пожертвовать своей жизнью, поскольку я был убежден, что последствия убийства Сталина в той или иной степени скажутся»[8]. Одновременно он сообщил о подготовке террористического акта против С. М. Кирова так называемой «группой Ива». В результате четырем юношам, Георгию Бубелло, 1909 г.р.; Ивану Горшкову, 1909; Ричарду Дамму, 1908; и Артемию Иву, 1909 г.р., было предъявлено обвинение в террористической деятельности. К моменту ареста А. Б. Ив учился на 2-м курсе «сектора физики и механики» Ленинградского университета. И. И. Горшков был студентом Политехникума путей сообщения и работал техником в институте «Гипроруда». Здесь же был инженером Р. И. Дамм. Г. П. Бубелло после средней школы трудился в проектном отделе института «Гипромез». Старшему из них, Р. Дамму, было 23 года, он был женат, остальным — по 22. Они были дети так называемых «бывших»: биржевика, владельца рекламной конторы, инженеров. Конечно, любить советскую власть им было не за что. Отец И. Горшкова был в 1926 г. выслан на три года в Сибирь, отец Р. Дама был репрессирован, отец А. Ива, инженер Путиловского завода, дважды арестовывался. В марте 1929 г. дядя А. Ива, главный геолог акционерного общества «Лена-Голдфилдс», английский гражданин Г. Т. Ив обратился в административный отдел Ленгорисполкома с просьбой разрешить его племяннику выезд во Францию для получения высшего образования, приняв на себя оплату всех расходов. В просьбе было отказано. И. Горшков около семи раз пытался поступить в вуз и смог это сделать в 1928 г., лишь скрыв свое происхождение[9].

По показаниям И. Горшкова, ими было составлено «письмо-обращение контрреволюционного содержания к иностранным специалистам, дабы сорвать их участие в советском строительстве». А. Ив напечатал его на пишущей машинке в трех экземплярах, уничтожил первый экземпляр в надежде, что тог-

[7] Архив Управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-77765. Т. 3. Л. 777, 778; Т. 4. Л. 9, 76.

[8] Там же. Т. 4. Л. 46.

[9] Там же. Т. 3. Л. 455, 570; Т. 4. Л. 5, 6, 8.

да шрифт машинки узнать не смогут. Один из экземпляров спрятали на площадке лестницы в доме Г. Бубелло. Попытка передать это письмо не удалась[10]. Именно участники группы А. Ива были обвинены в подготовке ряда террористических актов. Из протоколов допросов следует, что юноши обсуждали идею поджога архива института Гипромез путем заземления воздушных проводов на Волховстрое намеревались вызвать аварию электростанции, наконец, совершить убийство Кирова[11].

Из документов видно, что на деле их «терроризм» ограничился статьей, в которой были строки: «Появятся борцы-одиночки, восстающие против произвола по примеру славного, беззаветного Желябова, Каракозова <...> Будут эти люди, и не с того света придут они! Мы сами эти люди!», да разговорами о желательности поджога архива, аварии на Волховстрое и убийства Кирова. Юноши явно находились под действием статей и книг о народовольцах.

Особое внимание следствия, конечно, было обращено на подготовку покушения на Кирова. Р. Дамм признал, что эта идея обсуждалась на трехчетырех встречах. Первоначальный вариант предполагал покушение при входе в Смольный. Но, по словам Дамма, вариант был отвергнут из-за многолюдности и наличия охраны. Узнав место жительства Кирова, ребята решили совершить покушение при выходе его из дома. Как отметил на допросе Г. Бубелло, «с пиротехникой мы все были знакомы мало». Поэтому в качестве орудия покушения сначала предполагалось использовать бутылку из-под шампанского, начинив ее серной кислотой со взрывчатым веществом. Затем появилась идея изготовить бомбу из запаянного отрезка газовой трубы, начиненного порохом. Внутрь планировали положить склянку с бертолетовой солью и серной кислотой, отделенными друг от друга специальной пробкой. Предполагалось, что при ударе серная кислота разъест пробку, соединится с бертолетовой солью, произойдет взрыв пороха и металлической оболочки. Если бы бомба не дала желаемого результата, предлагалось использовать кинжал[12]. Сколько в этих разговорах неизжитого мальчишества! Но 21 марта 1932 г. выездная сессия Коллегии ОГПУ приговорила юношей к расстрелу. 13 апреля решение утвердила Коллегия ОГПУ. Приговор был приведен в исполнение 4 августа 1932 г.[13] Все арестованные были реабилитированы на основании заключения заместителя прокурора г. Ленинграда 28 сентября 1988 г.[14]

По мере чтения дела я всё чаще вспоминал группу Александра Ульянова. Напомню, что 1 марта 1887 г. три человека с разрывными снарядами вышли на Невский проспект, готовясь убить Александра III. Они были схвачены

[10] Там же. Л. 580 — 580 об., 620.

[11] Там же. Л. 548–549; Т. 4. Л. 46–47, 50, 52–53.

[12] Там же. Т. 3. Л. 531, 580, 582, 587 об., 619–619 об., 625; Т. 4. Л. 45–48.

[13] Там же. Л. 749, 755–758, 764, 767, 770, 773.

[14] Там же. Л. 779.

полицией, уже следившей за ними. В итоге пятеро, в том числе Александр Ульянов, были повешены. Я всегда считал и считаю этот приговор незаконным, ибо был лишь умысел на убийство. Александр Ульянов и его друзья мечтали о свободной, справедливой России. В октябре 1917 г. партия большевиков во главе с Владимиром Ульяновым-Лениным захватила власть, провозгласив своей целью построение социализма — общества без частной собственности, без эксплуатации, без денег, без армии, без государства, без насилия. Но в 1932 г. в Ленинграде расстреляли четырех юношей, которые лишь вели разговоры о терроре. Если группу А. Ульянова судило Особое присутствие Сената с участием прокурора и адвокатов, то через 45 лет решение было вынесено заочно, по сути тайком. То, что сами чекисты не относились к этому делу всерьез, подтверждается, на мой взгляд, тем, что никаких изменений в месте жительства Кирова, в системе его охраны до лета 1933 г. не произошло. Лишь тогда численность гласной и негласной охраны Кирова была доведена до 15 человек, и при поездках появилась автомашина сопровождения с двумя сменными выездными группами[15]. И только в 1934 г. было намечено переселение Кирова в специальный особняк на Крестовском острове.

References

Izmozik V. S., Lebina N. B. Peterburg sovetskij: «novyj čelovek» v starom prostranstve. SPb.: Kriga, 2010.

Kirilina A. A. Neizvestnyj Kirov. Mify i real'nost'. SPb.–M.: Neva-Olma-press, 2002.

Mihajlov B. M. Na dne blokady i vojny. SPb.: Izd-vo VSEGEI, 2001.

Zvâgincev A. G., Orlov Û. G. Raspâtye revolûciej. Rossijskie i sovetskie prokurory. 1922–1936. M.: ROSSPÈN, 1998.

Список литературы

Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Распятые революцией. Российские и советские прокуроры. 1922–1936. М.: РОССПЭН, 1998.

Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. СПб.: Крига, 2010.

Кирилина А. А. Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб.–М.: Нева-Олма-пресс, 2002.

Михайлов Б. М. На дне блокады и войны. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2001.

[15] *Кирилина А. А.* Указ. соч. С. 273.

УДК 94(47).072

**Т. В. Андреева, Т. Н. Жуковская,
П. В. Ильин, К. Г. Боленко**

Всероссийская научная конференция «Александр I. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей»

15–16 сентября 2015 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН (СПбИИ РАН) прошла всероссийская научная конференция «Александр I. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей». Проходившая под эгидой СПбИИ РАН и Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева, конференция стала первым в истории современной России большим научным форумом, посвященным всестороннему обсуждению преобразовательной политики Александра I, выявлению ее значения для социально-экономического и общественно-политического развития страны. Побудительной причиной для проведения конференции явилось стремление ее организаторов продолжить изучение истории российских реформ, сконцентрировав исследовательское внимание на особенностях модернизационного процесса в Российской империи в первой четверти XIX в. Конференция продолжила ряд региональных, всероссийских и международных научных форумов, проходивших в Петербурге в 2001–2014 гг. и посвященных изучению традиций отечественного реформаторства[1].

[1] Региональные исторические чтения в Музее политической истории «Реформы и реформаторы в истории России» (Санкт-Петербург, 16 марта 2001 г.); Международный Санкт-Петербургский летний культурно-исторический университет 2006 г. «Реформы

Цель проведения конференции заключалась в том, чтобы выявить место, которое занимали реальные преобразования и реформаторские инициативы царствования Александра I в российском историческом процессе. Для достижения поставленной цели участникам конференции необходимо было решить следующие задачи: рассмотреть взаимоотношения власти и общества в процессе восприятия и дальнейшей эволюции либерально-конституционной модели преобразований; изучить проблему реформ государственного управления в контексте александровской эпохи; определить основные направления решения крестьянского вопроса в царствование Александра I, соотнести их с важнейшими мерами в период правления Николая I и основными принципами Великой реформы; выявить и изучить элементы традиционализма и новаторства в преобразованиях русской армии и военного образования; проследить противоборство либеральных и консервативных тенденций в развитии русской науки, культуры, образования в изучаемый период.

В работе конференции приняли участие более 70 ведущих специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, а также Центра, Юга, Северо-Запада России, Поволжья и Урала, занимающихся социально-политической историей александровской эпохи, которая по масштабам преобразований и реформаторским поискам власти и общества представляет собой не менее значимое явление, чем петровская эпоха или время Великих реформ.

Работа научного форума проходила, помимо пленарного заседания, в рамках пяти секций. Открывая конференцию, к ее участникам обратился директор СПбИИ РАН *Н. Н. Смирнов*. Он подчеркнул историческое значение для судеб России преобразований Александра I, внесших глубокие изменения в государственный строй страны, отметил важность и многосторонность проблем, поднимаемых на конференции, высоко оценил практику открытого диалога ведущих специалистов по александровской эпохе, обратив особое внимание на необходимость укрепления и расширения научных связей различных научных и образовательных учреждений.

Приветствуя участников конференции, председатель оргкомитета *Т. В. Андреева* (СПбИИ РАН) поблагодарила собравшихся исследователей за то, что они нашли временные и финансовые возможности принять участие в научном

в России XVI — начала XX в.» (Санкт-Петербург, 9 июня 2006 г.); Всероссийская научная конференция «Власть, общество, реформы в России. История, источники, историография» (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2006 г.); Региональная научная конференция «Власть, общество и реформы в России в XIX–XX вв.: источники, исследования, историография» (Санкт-Петербург, 25 декабря 2007 г.; 24 декабря 2008 г.); Региональные исторические чтения в Музее политической истории «Великая реформа в России» (Санкт-Петербург, 22 марта 2011 г.); Всероссийская научная конференция «Проблемы политической истории России на рубеже XVIII–XIX вв. Павел I, Александр I» (Санкт-Петербург, 20–22 октября 2011 г.); Российско-финляндский семинар «Политические элиты России и Финляндии в XIX — начале XX в.» (Генконсульство Финляндии в Санкт-Петербурге, 7 ноября 2014 г.).

форуме. Она обозначила главные проблемы, поставленные на обсуждение, важнейшей из которых, по ее мнению, является проблема взаимоотношений власти и общества — ключевая для понимания всех исторических событий имперской России.

В своем вступительном слове *С. В. Мироненко* (ГАРФ, МГУ, Москва) обратил внимание присутствующих на принципиальную важность для отечественной историографии представленной на обсуждение проблемы реформ в царствование Александра I. Исторические обстоятельства, вызвавшие буржуазные преобразования 1860-х гг., корнями уходят в александровскую эпоху. Именно с этого времени идет отсчет длительных попыток самодержавия приспособиться к меняющимся историческим условиям. Как подчеркнул С. В. Мироненко, в 1801–1820 гг. существовала реальная альтернатива тому пути, по которому пошло историческое развитие России. При этом в ходе развития отечественной и зарубежной историографии были выявлены важнейшие специальные научные проблемы российской модернизации первой четверти XIX в., которые требуют дальнейшего рассмотрения: особенности официального и общественного либерализма, устойчивость консервативного политического строя, реформаторские возможности абсолютизма и их пределы.

Пленарное заседание открыл яркий доклад *А. Ю. Андреева* (МГУ, Москва) «Два реформатора: Александр I и Ф.-С. Лагарп — 40 лет вместе и порознь», в котором был дан глубокий анализ влияния Лагарпа на политическое мировоззрение Александра I, прослежены основные этапы их сложных взаимоотношений. В основу доклада был положен анализ переписки российского императора и Лагарпа, сохранившейся в личном архиве последнего в Лозанне. Докладчик убедительно показал, что посредством эпистолярии Лагарп передавал Александру свой политический опыт борьбы с авторитаризмом, строительства конституционного государства, побуждал императора к реформам, при этом учитывая национальные особенности и интересы России. Автор доклада рассмотрел важнейшие периоды этого влияния в контексте изменений внутренней и внешней политики, особенностей российского реформаторского процесса, выявил точки максимального сближения и отдаления Александра и Лагарпа. Если в 1790-х гг. речь шла о будущих конституционных преобразованиях в России, то в 1800-х гг. обсуждались проблемы взаимоотношений с Наполеоном; в 1810-х гг. Лагарп выступал против политики Священного союза. В ходе обсуждения доклада рассматривались взаимоотношения между Лагарпом и «молодыми друзьями» Александра I, был раскрыт их сложный характер: проекты реформ, предложенные швейцарцем, фактически отвергались членами Негласного комитета.

На пленарном заседании обсуждалась проблема государственного управления в России в александровское царствование, нашедшая отражение в содержательном докладе *Л. Ф. Писарьковой* (ИРИ РАН, Москва) «Верховная власть в административной системе России первой четверти XIX в.: режим ручного

управления». Докладчица обратилась к тщательному изучению процесса формирования в первой четверти XIX в. программы преобразований государственного управления, выявлению основных тенденций, которые ее обусловливали. Одной из них стало стремление носителей верховной власти к централизации управления, наметившееся еще в царствования Екатерины II и Павла I. Министерская реформа начала XIX в. в некоторой степени изменила ситуацию, в которой все нити управления замыкались на императора. Однако незавершенность административных реформ, прежде всего преобразований в местном управлении, сохраняли режим «ручного управления», которому способствовало усиление в 1810-х гг. роли личной канцелярии императора во главе с А. А. Аракчеевым. В докладе было показано, что в основе программы реформ управления лежало желание Александра I навести порядок и утвердить законность в административной системе. Была продемонстрирована роль императора не только в управленческом, но и в преобразовательном процессе, когда в ходе ознакомительных поездок по России он выявлял «болевые точки» управления страной и стремился их «излечить» путем проведения реформ центрального и местного управления. После доклада состоялся содержательный обмен мнениями по вопросу о соотношении сенатской и министерской реформ начала XIX в.

Оживленную дискуссию вызвали выступления, посвященные крестьянскому вопросу в царствование Александра I. *С. Л. Чернов* (МГУ, Москва) в новаторском докладе «Крестьянский вопрос в России (1766–1861 гг.)» продемонстрировал взаимосвязь социально-экономических и политических пластов в крестьянском вопросе, взаимообусловленность самодержавно-бюрократической системы, сословной парадигмы и крепостного права на протяжении почти столетия. Одной из главных задач самодержавия было упорядочение сословного строя, в том числе посредством оформления его правовой базы с помощью кодификации законов. По мнению докладчика, вторая половина XVIII — первая половина XIX в. — единая эпоха борьбы правительства за решение крестьянского вопроса, причем инициатива всегда исходила от верховной власти, которая не могла справиться с противоборством помещиков. Поэтому постоянно возникали три важнейших вопроса: как добиться от помещиков если не помощи, то хотя бы прекращения сопротивления; какие технологии нужно применять для успешного решения проблемы; чем заменить крепостное право. Как полагает исследователь, эти вопросы не были решены вплоть до 1861 г. потому, что для этого не было достаточных социально-экономических и политических предпосылок: крепостная система обеспечивала стабильность государства. К этому нужно добавить: поскольку самодержавие стремилось решить проблему российской модернизации только бюрократическим путем, а потребность в преобразованиях, обусловленная влиянием Запада, складывалась раньше, чем страна созревала для перемен,— всё это приводило к укреплению самодержавия и ослаблению общественного реформаторства. При обсуждении доклада

наибольший интерес вызвал вопрос о преемственности планов и конкретных мероприятий по решению крестьянского вопроса в царствования Александра I и Николая I, а также насколько эффективным для империи стало бы сохранение крепостного права после 1861 г.

В обобщающем докладе «Крестьянский вопрос от Александра I до Александра II: пути воплощения» *И. В. Ружицкая* (ИРИ РАН, Москва) выступила с оригинальной трактовкой крестьянской проблемы в первой половине XIX в. С ее точки зрения, безземельное освобождение в Прибалтике в 1816–1819 гг., имевшее достаточно негативные последствия, стало репетицией крестьянской реформы в России — экспериментом, в результате которого безземельный вариант был отвергнут. При Александре I происходил целенаправленный поиск путей и моделей освобождения крестьян, одновременно реализовывались три способа преобразований: личное освобождение с наделением собственностью за выкуп, освобождение с передачей земли в наследственное пользование (аренду), безземельное освобождение. В результате этого поиска к 1810-м гг. сложилась итоговая концепция реформы, которая сохраняла свое значение и в царствование Николая I. Она состояла из следующих основных положений: отказ от выкупа личной свободы, отказ от безземельного освобождения, необходимость переходного периода, признание оптимальным вариантом наделения крестьян землей в пользование с перспективой ее выкупа. В целом крестьянская реформа, по мнению историка, могла состояться значительно раньше 1861 г., но только в условиях компромиссного решения, при котором помещики сохраняли земельную собственность. Этот вариант устраивал как власть, так и помещиков. Представляется, что данная концепция заслуживает не только особого внимания, но и глубокого анализа.

На пленарном заседании были затронуты некоторые важные аспекты истории исторической науки XIX — начала XX в. В докладе чл.-корр. РАН *И. П. Медведева* (СПбИИ РАН) «Н. П. Румянцев о своей “спонсорской деятельности” в области науки» на широкой источниковой основе было показано, что, несмотря на обвинение в государственной измене и сложные взаимоотношения с верховной властью, граф Н. П. Румянцев служил России не только как государственный деятель, но и как ученый и меценат. Докладчик, опираясь на неопубликованную переписку Н. П. Румянцева, продемонстрировал, что граф сыграл огромную роль в создании знаменитого кружка историков, источниковедов и археографов, задавшихся целью собирать и публиковать документальные памятники русской истории, а главное — в спонсировании многочисленных научных проектов. Именно в александровское царствование организаторскими усилиями и при финансовой помощи Н. П. Румянцева были изданы древнерусские летописи, Изборник Святослава 1073 г., сборник Кирши Данилова, Судебники 1497 и 1550 гг., Остромирово евангелие и т.д. — публикации, заложившие фундамент отечественного источниковедения и давшие мощный толчок развитию русской исторической науки XIX — начала XX в.

Доклад *А. Н. Цамутали* (СПбИИ РАН) «С. Ф. Платонов об Александре I» был посвящен выявлению главных черт образа императора в трудах выдающегося историка, определению факторов, которые, с точки зрения С. Ф. Платонова, повлияли на формирование политического мировоззрения Александра I и государственной концепции его царствования. Как показал автор доклада, для С. Ф. Платонова важнейшими из них были: система «умственного воспитания» Александра, влияние на него «молодых друзей», сотрудничество с М. М. Сперанским. Историк рассматривал данный исторический период как эпоху, которая была призвана осуществить переход к новой форме государственного устройства, сложившейся в период Великих реформ. Одной из своих главных задач С. Ф. Платонов считал выяснение вопроса, почему Александр не смог провести коренные внутренние преобразования. Историк полагал, что в российской государственной политике первой половины XIX в. решение задач внешней политики преобладало над разрешением внутренних проблем. По его мнению, перерождение Священного союза в инструмент борьбы с либерально-освободительным движением в Европе было обусловлено тем, что Александр в теории стремился подчинить право и политику задачам морали и религии, а на практике политика и право в ловких руках К. Меттерниха превратились в инструменты усиления консервативных тенденций.

Таганрогская трагедия не только вызвала в России династический и политический кризис, но породила в историческом сознании и историографии проблему смерти Александра I, которая оказалась сегодня столь же актуальной, как и 190 лет назад. Главной задачей совместного доклада *Т. В. Андреевой* (СПбИИ РАН) и *Л. В. Выскочкова* (СПбГУ) «Утомление жизнью или уход: Александр I, 1825 год. Новые материалы» стало дезавуирование реанимированной некоторыми современными авторами старой версии о тождестве Александра I и Федора Кузьмича, а главное — обоснование факта смерти императора в Таганроге новыми документальными материалами. Помимо известных источников, как подчеркнули докладчики, реальность этого события подтверждается новыми материалами: мемуарами секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинова, письмами И. И. Дибича и П. М. Волконского к секретарю императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламову. В докладе также отмечалось, что при всем утомлении и разочаровании жизнью, характерных для последних лет жизни Александра I, обусловленных рядом внешне- и внутриполитических причин, он оставался государем, отвечавшим за свою страну и подданных, не выпускавшим из своих рук нитей управления и сохранявшим реформаторский потенциал. Последние годы александровского царствования характеризуются интенсивным законотворческим процессом и поиском путей совершенствования системы управления. Но в условиях широкого распространения в русском обществе и армии западных либеральных идей и революционных событий в Европе новая модель преобразований предполагала не замену, а постепенное реформирование и дополнение действующих институтов струк-

турами, способными установить законность и обеспечить порядок на местах. Именно с этим связана деятельность Комиссии составления законов по выявлению и систематизации отечественных законодательных материалов, ставшая важным этапом в подготовке Полного собрания и Свода законов Российской империи. В целом вопрос о смерти Александра I, как считают докладчики, следует рассматривать в контексте исторических проблем последнего периода его царствования и отделять от вопроса о жизни сибирского старца Федора Кузьмича, привлекая прежде всего документы официального происхождения.

В рамках работы первой секции *«Либерально-конституционные идеи в России в первой четверти XIX века: правительство и общество»* внимание было привлечено к специфическим чертам правительственного либерализма — как в историческом, так и историографическом аспектах, в отношении как реализованных реформаторских шагов, так и обсуждавшихся и готовящихся проектов. Большое место отводилось анализу общественного либерализма начала XIX в., его соотношению с правительственным либерализмом, взаимосвязи с государственной политикой и историей идей данного исторического периода.

Доклад *К. С. Чернова* (Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова) «Правительственный федерализм во внутренней политике Александра I» носил теоретический характер и охватывал значительный исторический период, поскольку затрагивал проблему исторического генезиса и типологии механизмов включения в состав Российской империи территорий с особым статусом. Применительно к царствованию Александра I докладчик рассмотрел вопрос о синхронном существовании различных систем управления территориями (Польши, Финляндии, Молдавии, Сибири, центральных губерний — «опыты» генерал-губернаторства А. Д. Балашева) и различных механизмов интеграции этих территорий («монархический федерализм»).

Доклад *А. Ю. Дворниченко* и *М. С. Белоусова* (СПбГУ) «Конституционная политика Александра I в творчестве Г. В. Вернадского» также затронул проблему федералистских начал государственного управления в начале XIX в., но в историографическом аспекте. Федералистские принципы в государственном устройстве были предметом особого внимания известного русского историка XX в. С точки зрения Г. В. Вернадского, речь должна идти лишь о федералистской тенденции, но не о федерализме монархической системы. Докладчики анализировали особенности освещения конституционной политики Александра I как в опубликованных, так и в неопубликованных трудах историка, а также в лекциях и других материалах его архивного фонда (Бахметевский архив Колумбийского университета, США). Г. В. Вернадский создал оригинальную концепцию правительственного конституционализма эпохи Александра I, вписав его в широкий контекст европейской и американской истории и установив его взаимосвязь с проектами декабристов. Авторы доклада показали вклад исследований Г. В. Вернадского в историю конституционных идей и проектов в России XVIII–XIX вв. При этом было подчеркнуто, что

некоторые наблюдения историка-эмигранта, сделанные в 1920-х — 1940-х гг., остались незамеченными в отечественной историографии.

Ф. Л. Севастьянов (Межрегиональный институт экономики и права, Санкт-Петербург) в докладе «Руссо против Савиньи или Сперанский против Розенкампфа? Борьба идей и борьба личностей в ходе кодификационных работ первой четверти XIX в.» рассмотрел круг вопросов, связанных с противоборством групп влияния в бюрократической элите. В основе ряда конфликтов, возникших вокруг кодификационных работ, проводившихся Комиссией составления законов в течение всего царствования Александра I, по мнению докладчика, в большей степени лежало личное противостояние крупных государственных деятелей, в особенности проявившееся накануне Отечественной войны 1812 г., хотя нельзя не учитывать и влияния различных концепций реформирования правовой системы.

М. М. Шевченко (МГУ, Москва) в сообщении «С. С. Уваров об императоре Александре I на рубеже 1820-х — 1830-х гг.» представил ретроспективный взгляд С. С. Уварова на личность и правление императора Александра I уже в новую политическую эпоху. Будучи убежденным противником крепостного права, С. С. Уваров в этот период времени критически относился к реформаторским шагам Александра, считал глубоко вредным влияние Лагарпа и «молодых друзей» на императора в первые годы его царствования, рассматривал это влияние как антинациональное, не учитывающее специфику российских условий. Последнее десятилетие царствования оценивалось также критически из-за предпочтений, отдаваемых Александром Царству Польскому. В основу сообщения были положены неопубликованные источники личного происхождения и сочинения С. С. Уварова на французском языке, малоизвестные в научной литературе.

Л. В. Мельникова (ИРИ РАН, Москва) в докладе «Конституционный эксперимент в Царстве Польском: воплощение и последствия либерального замысла императора Александра I» проанализировала Конституционную хартию Царства Польского 1815 г. Докладчица показала, что эта конституция была призвана не только помочь в решении польского вопроса, но и стать «пробным камнем» в реализации давно вынашиваемого Александром I замысла — введения конституционной монархии в России. В докладе рассматривалось отношение российского общества к польскому «конституционному эксперименту», а также оппозиционные настроения в Царстве Польском, были представлены наблюдения относительно причин неудачи этого либерального замысла императора. Важнейшими из них стали негативный исторический опыт сосуществования двух народов и национальное польское движение, направленное на достижение полной государственной независимости.

О. А. Любезников (ГМ «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург) продолжил эту тему, выступив с сообщением «Создание русскоязычного текста конституции Царства Польского: к вопросу о преобразовательных планах Александра I».

По мнению исследователя, в основу общеимперских конституционных преобразований мог быть положен русскоязычный перевод конституции Царства Польского. В этой связи приобретает особую значимость изучение всех известных попыток создания такого перевода, а также взаимосвязь польской конституции и правительственных реформаторских проектов 1810-х гг.

Часть докладов на секции была посвящена различным проявлениям общественного либерализма в александровское царствование. *Е. Б. Мирзоев* (Москва) в докладе «Специфика конституционализма А. П. Куницына» на основе анализа сочинений выдающегося правоведа и публициста рассмотрел его трактовки теории общественного договора, понятий «конституция», «гражданин», «деспотизм». Докладчик показал отношение А. П. Куницына к проблеме ограничения самодержавной власти, тем самым определив специфику политического мировоззрения этого крупного представителя общественного либерализма. С точки зрения исследователя, тот факт, что, несмотря на умеренно-консервативную трактовку А. П. Куницыным концепции общественного договора и теории разделения властей и отсутствие у него тезиса о необходимости не только гражданских, но и политических прав, он тем не менее подвергся опале в 1820-х гг., был обусловлен осуществленным им несанкционированным вынесением указанной проблематики в сферу открытого общественного обсуждения.

П. В. Ильин (СПбИИ РАН) в своем докладе, в основу которого были положены недавно опубликованные мемуары и письма одного из видных деятелей декабристского движения С. П. Трубецкого[2], описал ожидания декабристского круга, касающиеся реформаторских шагов и намерений Александра I в 1810-х гг., а также их восприятие в оппозиционной дворянской среде. Особое внимание П. В. Ильин уделил отношению деятелей декабристских обществ к ожидаемому освобождению крестьян. Автор доклада показал, что это отношение, судя по письмам и запискам С. П. Трубецкого, было весьма осторожным, напрямую связанным с экономическими интересами дворянства. При всем одобрении целей правительственного реформаторства декабристы были настроены часто критически, особенно в отношении конкретных планов реализации крестьянской реформы.

Доклады, заслушанные на второй секции «*Государственное управление в России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение*», охватывали самый широкий круг вопросов — от проблем внешней политики до конкретных аспектов служебных и личных отношений управленцев-администраторов в царствование Александра I.

Одним из наиболее содержательных стал доклад *С. А. Исаева* (СПбИИ РАН) «Как император Александр I построил руководство внешней политикой Российской империи в 1801–1815 гг.», основанный в том числе на анализе источников из американских архивов. Докладчик характеризовал административный

[2] См.: *Трубецкой С. П.* Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. / Изд. подг. Т. В. Андреева, П. В. Ильин. СПб., 2011.

стиль императора в этот период как сочетание личного руководства с периодическим предоставлением главам внешнеполитического ведомства определенной свободы действий. В качестве примера автор доклада сосредоточил свое внимание на одном из загадочных эпизодов такого рода практики — предоставлении Н. П. Румянцеву широких полномочий по ведению переговоров с США с целью сделать Россию посредником в начавшейся англо-американской войне. По мнению С. А. Исаева, Александр I фактически манипулировал собственным министром, сохраняя реальное руководство процессом и получая бóльшую, чем раньше, свободу действий. В 1813 г. император создал второй центр управления внешней политикой (во главе со статс-секретарем К. В. Нессельроде), находившийся под прямым контролем самодержца.

Значительный интерес привлек к себе доклад *М. А. Приходько* (Московская государственная юридическая академия) «Взаимодействие коллежской и министерской систем государственного управления в правление императора Александра I», который анонсировался его автором как «сплошное спорное место». По мнению докладчика, сочетание министерского и коллегиального принципов в системе центрального управления на протяжении первой трети XIX в. следует определить как «симбиоз», в рамках которого министерский принцип действовал при решении важнейших вопросов, а коллежский — в текущих делах.

П. В. Акульшин (Рязанский государственный университет) в докладе «Бюрократы и оппозиционеры: члены Негласного комитета и литературного общества «Арзамас» и проблема реформ в правительственной политике первой четверти XIX в.» изложил свой взгляд на реформаторский процесс и роль участников общества «Арзамас» в реформах первой половины XIX в. и в идеологических процессах этого времени. По мнению докладчика, замедленность правительственных реформ следует признать заслугой Александра I: она доказывает понимание императором того обстоятельства, что быстро реформировать такую огромную и многонациональную страну, как Россия, невозможно. Рассмотрение общественно-политического мировоззрения членов общества «Арзамас» с точки зрения интересов российской государственности позволяет увидеть как определенную преемственность взглядов членов Негласного комитета и «арзамасцев», так и тот факт, что воплощением идейных исканий последних в конечном счете стала теория «официальной народности».

Доклад *П. Д. Николаенко* (СПбУ МВД РФ) «В. П. Кочубей и проблема государственного управления в России первой четверти XIX в.» был посвящен обоснованию тезиса о недооцененности В. П. Кочубея как крупнейшего и выдающегося государственного деятеля. Докладчик привел свое объяснение этому факту: недооценка вызвана дефицитом источников и прежде всего гибелью личного документального собрания Кочубея вместе с другими бумагами Полтавского областного архива. П. Д. Николаенко подчеркнул важность для развития российской государственности и успешность деятельности В. П. Кочу-

бея как главы МВД. По мнению докладчика, именно Кочубей превратил МВД в образцовое ведомство, послужившее примером для других центральных учреждений.

В докладе *А. Ю. Скрыдлова* (СПбФ ИИЕТ, Санкт-Петербург) «Министерство полиции под управлением А. Д. Балашева: особенности формирования структуры ведомства и кадровой политики» был рассмотрен процесс подготовки нормативных документов, обеспечивавших функционирование органа, сочетавшего в себе функции тайной и публичной полиции. Историк отметил, что министерство должно было стать также контролирующим органом по отношению к учреждениям местного и губернского управления. Любопытно проведенное докладчиком разделение сотрудников министерства на три категории, обладавшие различными степенями полномочий при выработке и реализации министерских распоряжений. Заслуживает внимания и его замечание, что значение министерства, как и само его появление, определялось высоким статусом А. Д. Балашева, его близостью к императору.

Сообщение *К. Г. Боленко* (ГМ «Архангельское», Москва) «М. М. Сперанский и Д. В. Голицын: к истории служебных и личных отношений» касалось ранее неизвестного сюжета о глубоком доверии, существовавшем между этими высокопоставленными администраторами в 1820-х — 1830-х гг., их сотрудничестве по различным вопросам. Они откровенно обсуждали детали законотворческого процесса в Комиссии составления законов и Государственном совете, и не исключено, что Д. В. Голицын именно через М. М. Сперанского подавал императору свои записки по крестьянскому вопросу. В основе этого доверия, как показал докладчик, могла лежать близость их взглядов на преобразование России. Так, Д. В. Голицын считал, что основной причиной кризиса внутреннего управления является незавершенность реформ, начатых М. М. Сперанским в 1810 г.

В докладе *Н. А. Могилевского* (МГИМО МИД РФ, Москва) «Деятельность московского главнокомандующего графа Ф. В. Ростопчина в контексте взаимоотношений центральной и местной власти в начале XIX в.» сделана попытка доказать, что на административную деятельность Ф. В. Ростопчина оказало большое влияние его стремление обойти существовавшую на тот момент в России систему подчинения губернаторов Министерству внутренних дел, укрепить личные отношения с императором, став его доверенным лицом и советчиком. В 1812 г. Александр I мирился с этими претензиями, но уже в 1813 г. устанавливается жесткая подчиненность Ф. В. Ростопчина министерству.

В выступлении *И. Е. Барыкиной* (Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования) «Эволюция идей единства и коллегиальности в самодержавной системе управления второй половины XIX в.» было показано, что недостатки российской администрации первой половины XIX в. продолжали существовать и впоследствии. Авторы проектов реформ, поданных на высочайшее имя во второй половине столетия, как показано в докладе, предлагали аналогичные, хотя и не лишенные своей специфики средства

борьба с ними. Во второй половине 1850-х гг. в бюрократических кругах пользовалась популярностью идея децентрализации, в 1870-е гг. — идея создания особого ведомства по экономическим вопросам, в 1880-х гг. проявилась тенденция к реформированию учреждений, непосредственно связанных с самодержцем — Канцелярии и Комиссии прошений. Кроме того, как отметил автор доклада, была сделана неудачная попытка превратить комиссию, действовавшую в столице во время отсутствия императора, в высший орган, который должен был обеспечить единство действий государственного аппарата.

Большой интерес привлек доклад *А. Н. Бикташевой* (Школа исторических наук НИУ ВШЭ, Москва) «Сенатские ревизии первой четверти XIX в. в судьбах российских губернаторов». Количество сенатских ревизий в указанный период было бóльшим, нежели в царствование Николая I (соответственно 52 и 38). Увольнения губернаторов от должности часто совпадали с проведением ревизий, и даже в случае оправдания в выдвинутых обвинениях карьера отставного губернатора восстанавливалась далеко не сразу. Ввиду перманентно непростых отношений, существовавших между губернаторами и органами дворянского самоуправления, а также возможности предводителей дворянства использовать ревизии в свою пользу, они имели неожиданный результат: падение престижа коронной власти на местах. Сокращение числа ревизий и полномочий ревизоров при Николае I явилось попыткой исправить эту ситуацию.

Тема взаимоотношений коронной власти и местного дворянства была продолжена докладом *К. К. Билеуш* (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) «Дворянское сословное самоуправление в первой четверти XIX в.: свобода под контролем государственной власти», которая сосредоточила свое внимание на тех ограничениях, которые накладывала на сословное самоуправление верховная власть. Политика Александра I, по мнению докладчицы, страдала заметной непоследовательностью в этом вопросе: сословные права то расширялись, то уменьшались.

В докладе *А. И. Феребова* (ГМЗ «Московский Кремль») «“Ревизии” указа об экзаменах на чины с 1812 г. и его соблюдение при Александре I» был подвергнут сомнению распространенный в историографии тезис, что указ 1809 г. быстро оброс исключениями и фактически не действовал. По мнению исследователя, в указе главной была не нормативная сторона, а идея стимулирования дворян к помещению детей в университеты, что в целом удалось. К тому же «изъятия» из указа были незначительными, комитеты при университетах, которые должны были принимать экзамены у чиновников, работали, хотя количество лиц, сдавших экзамены, было невелико.

Особое место в работе секции занял доклад *А. А. Цымбал* (Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник) «Создание таганрогского градоначальства в 1802 г. и его роль в развитии Приазовья», который продемонстрировал вклад Александра I в развитие Таганрога начиная с 1800-х гг. Это прежде всего благотворное для города введение

должности градоначальника, находившегося в прямом подчинении императору. Имея широкие возможности для проявления личной инициативы, градоначальники превратили таганрогский порт в мощного конкурента Одессы; один из них, Б. Б. Кампенгаузен, сделал блестящую административную карьеру.

Третья секция «*На дальних подступах к Великой реформе: крестьянский вопрос в России в царствование Александра I*» была посвящена рассмотрению специальных сюжетов, связанных с проблематикой подготовки реформирования института крепостного права в первой четверти XIX в.

Работу секции открыл доклад *В. М. Боковой* (ГИМ, Москва) «Из истории крестьянского вопроса в царствование Александра I». Исследовательница посвятила его одному из проектов крестьянской реформы в александровскую эпоху — введению вечнонаследственной крестьянской аренды земли с одновременным заключением «условий» помещика с крестьянами. Данный вариант решения крестьянского вопроса часто не предусматривал личного освобождения. Проекты такого рода обсуждались в Негласном комитете, а также формулировались в сочинениях А. М. Бакунина, В. О. Стройновского, В. Н. Каразина и других авторов — сторонников решения крестьянского вопроса в пользу дворянства. Эти проекты имели широкий отклик и повлияли, с одной стороны, на правительственных реформаторов (М. М. Сперанского, П. Д. Киселева), с другой — на декабристов (Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева).

Н. В. Дунаева (СПбФ НИУ ВШЭ) в обстоятельном докладе «Трансформация сословного права в Российской империи и крестьянский вопрос (первая четверть XIX в.)» познакомила с результатами междисциплинарного (историко-юридического) исследования отечественного законодательства начала XIX в., касающегося сословных прав и крестьянской реформы. Исследовательница подчеркнула, что заложенные при Александре I идеи и проекты преобразований крепостного права и сословного строя сыграли огромную роль в последующем развитии правового устройства империи. Так, при Александре I начал развиваться сектор дворцового, удельного и казенного крестьянства, который затем первым подвергся модернизационным реформам. Процесс крестьянской эмансипации шел постепенно, но он почти не охватывал помещичьих крестьян. Н. В. Дунаева продемонстрировала обнаруженную ею корреляцию между правовыми средствами решения крестьянского вопроса и уровнем эффективности реформирования сословного права.

А. Н. Долгих (Липецкий государственный педагогический университет) в своем выступлении «Владельческие крестьяне первой четверти XIX в. и проблема движимой и недвижимой собственности в отечественной историографии» затронул историографический аспект крестьянского вопроса. Историк поднял имеющий до сих пор неоднозначное освещение в научной литературе вопрос о том, были ли владельческие крестьяне движимой или недвижимой собственностью помещиков. Участники дискуссии, развернувшейся после доклада, пришли к мнению, что в рамках существовавшей правовой неопределенности

в отношении этого вопроса крестьяне, не будучи субъектом сословного права, не являлись ни движимой, ни недвижимой собственностью, хотя на практике с юридической точки зрения могли считаться движимой собственностью, поскольку были предметом купли-продажи.

Д. В. Тимофеев (ИИА УрО РАН, Екатеринбург) представил содержательный доклад «В ожидании решения крепостного вопроса: опыт сравнительного анализа проектов, прошений и слухов о возможном освобождении крестьян в России первой четверти XIX в.». Докладчик главным образом на основе архивных источников продемонстрировал результаты сравнительного анализа дворянских и купеческих проектов, крестьянских прошений и слухов начала XIX в., касающихся вопроса о преобразовании крепостного права. Исследователь выявил основные варианты обоснования крестьянской реформы, известные по дворянским проектам, купеческим предложениям и обращениям крестьян. Автор доклада отметил, что если в дворянских проектах необходимость освобождения крестьян обосновывалась государственной пользой, а предлагавшийся сценарий был отложен во времени (со ссылкой на то, что первоначально следует озаботиться просвещением крестьян), то прошения купцов содержали указания на предоставленное им право покупки населенных земель, являясь попыткой получить права на управление крестьянами (при этом с крестьянами заключались договора об обработке земли). Сценарии освобождения варьировались от дворянского, подразумевавшего сохранение за помещиками земельной собственности, перевод крестьян на казенные земли и компенсацию государством стоимости крестьянских работ,— до крестьянского, ставившего во главу угла перевод освобождаемых в государственные крестьяне с наделением их землей. Особое внимание в докладе было уделено основаниям, которые крестьяне считали достаточными для подачи обращений о предоставлении им «свободы от рабства»: они питались слухами о немедленном освобождении, всегда адресовались к высшей власти, рассчитывая на нее и не ожидая, что помещики станут инициаторами освобождения.

Завершил заседание секции *В. А. Шкерин* (ИИА УрО РАН, Екатеринбург) с сообщением «Проект учреждения горных городов на Урале: замысел и воплощение», в котором был рассмотрен непосредственно связанный с проблемой крестьянского освобождения «проект Горного положения», утвержденный императором в 1806 г. Проект предусматривал учреждение на Урале горных городов, свободных от подневольного труда. Реформа не была завершена: Екатеринбург остался единственным в стране горным городом, однако реализация проекта не способствовала решению проблемы крепостного фабричного и заводского труда.

Доклады четвертой секции «*Армия и военное образование в России в первой четверти XIX в.: традиции и новации*» были сосредоточены на историографии Отечественной войны 1812 г., истории военного образования, особенностях функционирования приграничных военных формирований.

К. Б. Жучков (Псковский государственный университет) проанализировал, как в публикациях зарубежных историков Д. Ливена и П.-М. Рей, переведенных и изданных в России, представлены отношения Александра I и М. И. Кутузова. По мнению докладчика, несмотря на достоинства монографии Д. Ливена и заявления иностранного автора об изложенных в ней «новых взглядах» на историю войны 1812 г., и в этой работе, и в книге П.-М. Рей никакого обновления научных представлений по этой проблеме не произошло. Авторы продолжают воспроизводить мифы либерально-буржуазной историографии начала XX в., что обязательно должно быть отмечено при их рецензировании.

В докладе *Н. Н. Ауровой* (ИРИ РАН, Москва) «Политика правительства в области военного образования в эпоху Александра I» был сделан акцент на постепенном усилении военного начала в кадетских корпусах и сближении дисциплинарных требований с армейскими. Этот процесс начался еще в павловское царствование, продолжался при его преемнике и затронул все корпуса, включая наиболее привилегированный Пажеский, поскольку становление гражданской школы, общенациональной сети уездных училищ, гимназий и университетов делало ненужной подготовку соответствующих специалистов в системе военного образования. Кадетские корпуса старого образца, детище XVIII в., выполнили свою первоначальную в широком смысле просветительскую функцию и в новых условиях должны были готовить исключительно офицеров.

Завершил работу секции доклад *Р. Н. Рахимова* (Центр гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований, Уфа) «Отдельный Оренбургский корпус в первой четверти XIX в.: потенциал и трансформации», в котором была описана весьма пестрая штатная структура корпуса (в том числе большой удельный вес иррегулярной инородческой компоненты) и проанализированы факторы, повлиявшие на ее формирование. Хорошо подходившая для решения военно-политических задач первой половины XIX в., эта структура впоследствии стала препятствием для функционирования военных сил в этом регионе, и в середине 1860-х гг. корпус был упразднен.

В ходе работы пятой секции «*Наука, культура, образование в первой четверти XIX в.: реформы и реформаторы*» были заслушаны и обсуждены доклады, сфокусированные на реформах александровского царствования в области науки и образования, в том числе затрагивающие историю становления школьной системы, университетов, научных учреждений, системы религиозного просвещения, цензуры и журналистики.

Е. Ю. Басаргина (СПбФ Архива РАН, Санкт-Петербург) предложила новую оценку проектов реформы Академии наук, которые возникли в первые годы XIX в. в связи с созданием Министерства народного просвещения и утверждением новой образовательной модели, стержнем которой становилась система университетов. Было показано, что Регламент Академии 1803 г., объявив ее «первым ученым обществом», существенно сузил ее педагогические

обязанности, окончательно решив вопрос о размежевании подготовки научных кадров между Академией и университетами. Вопреки желанию многих членов Академии и поданным проектам возобновления университета при Академии, Регламент 1803 г. упразднил академические университет и гимназию. Академия наук получила статус исключительно научного учреждения, ее единственной прерогативой осталась подготовка собственной научной смены, что выразилось в создании института «академических воспитанников», существовавшего в следующие два десятилетия.

К. А. Ильина (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Проекты попечителей учебных округов по реформированию системы народного просвещения» рассмотрела основы переопределения стратегий власти в университетской политике в конце 1810-х — первой половине 1820-х гг., которые были заложены в проектах попечителей учебных округов. Проекты М. Л. Магницкого («Отчет по обозрении Казанского университета», инструкция ректору и директору Казанского университета, «Записка о народном воспитании»), а также записка Е. В. Карнеева («О новом образовании Харьковского университета») предлагали расширение власти попечителей в подчиненных им университетах, жесткую регламентацию деятельности профессоров и студентов в качестве идеальной модели обновленного университета.

Т. Н. Жуковская (СПбГУ) в докладе «“Дело профессоров” в Петербургском университете (1821–1826): новые материалы» предложила новую интерпретацию так называемых контрреформ в области просвещения начала 1820-х гг., которые отразились на известном «деле профессоров» Петербургского университета. Этот «казус» был рассмотрен с привлечением новых материалов из ведомственных и университетских архивов, реконструированы мотивы действий попечителя столичного учебного округа Д. П. Рунича, способы фабрикации обвинения профессоров в «безбожии» и подрыве государственных устоев, методы и хроника внесудебного разбора этого дела, которое раскололо университетскую корпорацию и привело столичный университет в упадок.

В докладе *Р. Х. Галиуллиной* (Казанский юридический институт МВД РФ) «“Управление словом”: формирование основ цензурной политики в российских университетах первой четверти XIX века» была рассмотрена цензурная политика первой четверти XIX в., когда экспертиза рукописей и привозной иностранной литературы была возложена на цензурные комитеты университетов. Изучение делопроизводства цензурных комитетов Московского и Казанского университетов позволило понять, как на практике была организована деятельность профессоров-цензоров, регламентированная как либеральным уставом о цензуре 1804 г., так и позднейшими запретительными актами и распоряжениями Министерства духовных дел и народного просвещения.

В докладе *Е. А. Калининой* (Петрозаводский государственный университет) «Забытые школы: городские начальные общественные училища в России в 1804–1825 гг.» на основе законодательных актов и архивных источников

была прослежена история становления и развития уездных и городских приходских и других начальных училищ в 1804–1825 гг. В это время впервые было обращено внимание на финансирование школ низшего уровня и обеспечение их учительскими кадрами. Результатом реформы стало, в частности, появление школьной сети в уездных городах Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерний, распределение выпускников Петербургского педагогического института и университета в уездные училища и гимназии столичного учебного округа и других округов Российской империи.

В выступлении *Т. Г. Фрименковой* (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) была представлена организация общего и специального образования в Петербургском воспитательном доме в царствование Александра I. Автор доклада подчеркнула, что покровительница этого учреждения императрица Мария Федоровна непрерывно реформировала организацию образования в нем, стремилась дать детям-сиротам возможность получать образование по способностям. Уровень полученного образования позволял некоторым питомцам воспитательного дома продолжать обучение в университете при сохранении финансовой поддержки со стороны ведомства Марии Федоровны.

М. А. Златина (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) рассмотрела процесс проектирования и создания коронными властями и еврейскими просветителями еврейских общеобразовательных школ в России в царствование Александра I. Были показаны причины, по которым подобные учебные заведения так и не удалось успешно организовать. К числу этих причин относились непоследовательность планов правительства в отношении евреев и множественность возлагаемых на еврейские школы задач — от просветительских до полицейских.

В. В. Кучурин (Ленинградский областной институт развития образования, Санкт-Петербург) посвятил свой доклад анализу неопубликованной «Записки о церкви» М. М. Сперанского. Ее автор, как было показано докладчиком, развивал мистическое учение о «внутренней церкви», которое легло в основу расцвета религиозного мистицизма и экуменизма в царствование Александра I. Это позволяет не только говорить о долговременном влиянии М. М. Сперанского на мировоззрение императора, но и уточнить идейные основания просветительских реформ 1810-х — начала 1820-х гг.

Развивая эту тему, *К. Е. Нетужилов* (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург) в докладе «Церковная журналистика в царствование императора Александра I: предпосылки и становление» обратился к истории возникновения в России церковной журналистики в первые десятилетия XIX в. Докладчик связал это явление с последствиями реформы духовного образования в 1807–1808 гг., благодаря которой в России возник многочисленный слой разносторонне образованного и ориентированного на интеллектуальную деятельность духовенства. Запросы и религиозно-просветительские амбиции этого слоя отражал, в частности, первый

в России церковный журнал «Христианское чтение». В докладе подробно рассматривались история создания, структура, идеология и общественное влияние этого издания.

М. Ф. Хартанович (МАЭ им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург) обратила внимание на изменения в статусе, организации и обеспечении естественнонаучных музеев в первой трети XIX в. на примере Кунсткамеры, основанной Петром I. Было высказано наблюдение: Кунсткамера в начале XIX в. становится не только главным хранилищем научных коллекций, но и центром пропаганды научных знаний. Ее фонды при Александре I целенаправленно пополнялись во время морских кругосветных путешествий, научных экспедиций, а также путем покупки научных коллекций у частных собирателей. На базе Кунсткамеры формируются тематические собрания и музеи (Азиатский музей, Египетский музей, Минералогический кабинет и др.).

И. М. Захарова (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) посвятила свое выступление особенностям формирования эрмитажных коллекций при Александре I. Особое внимание было обращено на устройство Императорского Эрмитажа, роль его хранителей, способы пополнения его коллекций и личный вклад императора в дело приобретения экспонатов.

Завершая обзор состоявшегося научного форума, следует отметить, что его организаторы и участники не ставили перед собой задачу подвести итоги изучения царствования Александра I. Проходившая в атмосфере плодотворных дискуссий конференция выявила множество важных исследовательских проблем, требующих дальнейшего тщательного и глубокого анализа и осмысления. В ходе работы были определены перспективные исследовательские направления: социально-экономическая история России первой четверти XIX в. в контексте выявления реальных условий для введения конституции и отмены крепостного права; идеолого-политическая история александровского царствования в аспекте специфических особенностей правительственного и общественного либерализма; Александр I в судьбе России: современная отечественная и зарубежная историография; компаративистская история применительно к предыдущим и последующим царствованиям и Европейскому миру.

Общественное и научное значение конференции состояло в том, что она привлекла значительное внимание как специалистов-историков, так и широких общественно-научных кругов к проблеме осмысления того исторического опыта, который на протяжении XIX — начала XX в. был приобретен властью и обществом.

Во время работы конференции в конференц-зале и читальном зале архива СПбИИ РАН на основе материалов фондов библиотеки и Научно-исторического архива института были открыты и пользовались большим вниманием участников и гостей научного форума выставки книг и архивных документов, затрагивающих проблемы истории России в царствование Александра I.

Конференция прошла на высоком научном уровне, в полной мере продемонстрировав актуальность исследований александровской эпохи в современном историографическом пространстве. Состоявшийся научный форум показал, что плодотворные результаты в изучении указанного периода отечественной истории могут быть достигнуты лишь коллективными усилиями, совместной работой. Конференция способствовала неформальному объединению ведущих специалистов, занимающихся историей царствования Александра I, в особую научную корпорацию, выявила потребность в проведении периодических «Александровских чтений», которые позволили бы сформировать пространство активной научной коммуникации для исследователей, разрабатывающих проблемы российской истории первых десятилетий XIX столетия.